

Близкие люди

РОМАНЫ

ЕЛЕНА РОИНОЙ

ЕЛЕНА РОНИНА

МЕСТНОЕ
ВРЕМЯ—

Любовь

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р71

Оформление серии *Елены Куликовой*
Фото автора на обложке *Анны Леонтьевой*

Все события в книге вымышлены

Ронина, Елена.

Р71 Местное время — любовь : роман / Елена Ронина
на. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-198599-8

Эти люди такие разные и в то же время такие похожие. Все хотят любви и счастья, но у каждого свой путь. Главное, проходя по нему, не потерять себя. Жизни героев этих историй предстают перед нами в разных декорациях: Франция, Германия, Россия, Швейцария, Италия и даже Африка... Однако среди них нет неузнаваемых персонажей и совсем чужих судеб. Ведь это путешествие, в которое отправляется абсолютно каждый человек на земле, — путешествие в поисках любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Ронина Е., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-198599-8

ЧАСТЬ 1

ЗЕРКАЛО МИРА

Увидеть Париж и умереть!

«Увидеть Париж и умереть!» — я всегда именно так думала про Париж, ждала свидания с ним много лет, готовилась.

В Париж нас пригласили съездить наши друзья — немцы Рената и Густав Бахер. Ну, друзья не друзья — вопрос спорный, но знаем мы друг друга давно. Сейчас, по прошествии большого количества лет, поняли, что, вероятно, все-таки не друзья. Да и кого сейчас в нашей сложной жизни можно назвать друзьями? Наверное, только хорошо живущих друг с другом мужа и жену. Тогда мы этого не знали, в Париж хотелось, сами бы поехать не решились. И страшно, и французского языка не знаем, и дорого. Бахеры нас уговорили, они в Париже бывали неоднократно, хоть по-французски только две фразы знают. Густав — такой «человек мира», как он сам себя называет, умеет быть органичным в любом обществе, в любой компании. Правда, не все и не всегда чувствуют себя с ним комфортно, но он всегда собой доволен.

Итак, в какой-то момент мы приняли решение поехать во Францию. Все срослось, сроки уточнены. Едем в Париж. Ура! Неужели? Не могу поверить своему счастью!

Решили выезжать на машине из Германии, из Кельна. В Кельне живут родители Густава — Карл и Гизелла. У них собственный дом в старинном стиле — небольшой, но очень уютный. Мы с мужем часто бывали в этом доме, и я его очень полюбила. Каждый раз на пороге нас встречали этакие благообразные старички: она всегда в капроновых чулках и в бусах, он всегда в шейном платке. Все остальное — это ладно, но вот эти чулки и шейный платок всегда меня умиляли. Еще умиляло, что каждый раз, когда мы садились за стол, доставался новый сервиз. Мы же привыкли, как у нас в России один сервиз — парадный, для гостей (лучше, если это будет «Мадонна»), а на каждый день что-нибудь попроще, что не жалко разбить. Ну и билось, конечно! Поэтому на каждый день всегда был некомплект.

После посещения Кельна я дала себе слово, что есть буду всегда из парадных сервизов, на праздник ничего приберегать не стану и на столе каждый день будут стоять одинаковые тарелки!

Приезжая в гости, мы всегда привозили подарки: икру, конфеты, водку. Интересно, что все наши нехитрые презенты клали на какой-нибудь стол в углу,

и стояли они там вплоть до нашего отъезда, иногда несколько дней. Да... Брезгают, значит, и на стол не поставили, не открыли, не попробовали. Даже не убрали! Так и стоят наши бедные подарочки, никому не нужные. Потом, когда то же самое происходило и в других домах, я все поняла. Это у них такие правила хорошего тона. Немецкие друзья демонстрируют нам, как они любят наши подарки. А есть их они будут втихаря, когда мы уедем, за закрытыми дверями.

Ехали по автобану через Бельгию. Бензин, естественно, пополам, мы уже привыкли к этому: дружба дружбой, а бензин посчитаем! Сейчас уже удивляюсь, почему с нас не спросили за амортизацию автомобиля? Периодически за руль сажали моего мужа. Сережа, нервно улыбаясь, отказать не мог. Я слегка побаивалась, мы не умеем ездить двести километров в час! Для нас все диковато, весь этот их порядок. Но в грязь лицом ударить нельзя, еще будут в этой поездке такие возможности! После часа езды мой муж был весь мокрый, долго не мог прийти в себя, но испытание на прочность прошел на «пять с плюсом»!

Въехав в Париж, машину сразу поставили на стоянку. Оказалось, передвигаться будем пешком, деньги нужно экономить, бензин очень дорог (даже половина бензина! Ну что за люди?!). Но мне уже было на

все наплевать, я в Париже! В него я влюбилась сразу, с самой первой секунды. Поняла, что это абсолютно мой город. Его воздух, его люди, язык — все-все. Просто сидела на скамейке и наслаждалась счастьем, лелеяла чудную мысль: я и Париж. Вся остальная команда рысью бегала по городу и искала для нас гостиницу. Задача была не из простых: гостиница должна была быть «две звезды» и обязательно со скидкой!

Видимо, удобства будут на этаже или вообще за углом, но меня это уже не пугало. Я готова была спать прямо вот на этой лавке. Периодически приходилось пересаживаться в другое место, поближе к очередному отелю. Мои спутники при этом наказывали мне не считать ворон, а сторожить вещи.

Наконец-то наши «две звезды» с дополнительной скидкой в тридцать (!) процентов были найдены. Наш друг Густав потом напоминал об этом все четыре дня, проведенные в Париже. Мы каждый раз должны были восхищаться, как будто слышали об этом впервые, и при этом забывать, что номер состоит из одной кровати. Ни шкафа, ни телевизора, ни тумбочки. Для остальной совершенно ненужной мебели просто не было места. Да и зачем? Приходили мы поздно, чуть живые, и, едва открыв дверь, плюхались спать, практически не раздеваясь (все равно некуда вещи складывать), и оказывались... на полу. Кровать была настолько продавлена, что походила на гамак! Поэто-

му мы всю ночь друг на друга немножко наезжали. Хорошо, что уставали сильно, спали без задних ног и ничего не чувствовали.

Уставать было с чего: за день мы наматывали пешком километров по пятнадцать. Было принято решение на такси не ездить, на метро — только в случае острой необходимости. Хорошо, что с погодой нам повезло — начало лета. Не жарко и не холодно, так что гулять по Парижу — одно удовольствие. А нашим немцам удовольствие вдвойне, ведь и деньги сэкономились.

Ничто не могло разочаровать меня в Париже. С каждым днем город нравился все больше. Все было интересно, все живое, за каждым человеком чувствовалась судьба.

Каждый вечер за ужином мы составляли план на следующий день. Четыре человека, четыре дня. Каждый из нас предлагал что-то интересное именно ему, сообща составлялся маршрут. Поэтому новый день был не похож на предыдущий. Было очень здорово. Кстати, полноценно в ресторане мы ели раз в день. Почему — для меня до сих пор остается загадкой. Наши спутники — люди далеко не бедные и много чего себе могут позволить. Но... Мой муж предположил:

— Может, они думают, что у нас денег нет совсем, и боятся поставить в дурацкое положение?

Уж не знаю, что они там думали, но на еде мы сэкономили. В ресторане брали только «меню», по-наше-

му — комплексный обед. Дешево и сердито. Но мало. Сережа вечно был слегка голодным. Но друзья всю дорогу так восхищались изысканностью кухни, что как-то неловко было заказать что-то еще. Много есть вредно. Завтракали мы в нашем чудном отеле. Ну что можно было получить в таком месте? В Париже вообще завтрак легкий: кофе, круассан и немного джема. Мы собирались в нижнем холле, всем наливалось по одной чашечке кофе, добавка не полагалась. Затем хозяйка гостиницы, дама не очень приветливая, кидала в нас по одному круассану. Джем не давала вообще. Думаю, она никак не могла простить нам тридцати процентов скидки. Немцам это настроения не портило, мне же было как-то не по себе. Все время завтракала с легким чувством вины, спеша съесть свой бублик и убраться по намеченному вечером маршруту.

Полдня мы наслаждались солнечным Парижем. Потом просто покупали багет, сыр, бутылку вина и прямо где стояли, там и садились или ложились в зависимости от того, где нас заставал голод — на лужайке, на ступеньках, — и все купленное съедали. Не могу сказать, что это было плохо. Нет, вкусно, романтично, здорово. А наши спутники опять радовались вдвойне. Ведь сколько денег сэкономили! Ну пошли бы сейчас в ресторан, и что? Ободрали бы нас как липку. Вкусней бы не было, это точно. И вообще, с какой стати кормить этих французикув? Не дождут-

ся. Нас с Сережей все устраивало. Иногда, правда, во мне восставал дух противоречия:

— Хочу пирожное!

— Елена, в ларьках только сыр!

— Устала я от вашего сыра. Хочу в кондитерскую.

Хочу кофе по-венски с каким-нибудь абсолютно французским десертом.

Мне никто отказать не мог, но никто со мной за компанию не ел. Немцы говорили, что не хотят. Сереже было очень неудобно. Так и не поняла, за меня или за них, но он тоже пирожные не ел. Наплевать. Мне было вкусно, комфортно. Чудо как хорошо!

— Сереж, ты чего все время в сумке роешься?

— Подожди...

— Что-нибудь случилось?

— Лена!!!

Поняла, нужно заткнуться, пока не обругали. Зная своего мужа, я догадывалась, что что-то не так, что-то случилось. Но спрашивать было бесполезно, он уже разнервничался настолько, что даже разговаривать не мог. Мы возвращались на метро, день клонился к закату. Все здорово, впечатлений море. Наконец-то я поднялась на Эйфелеву башню. Не скажу, что это самое яркое впечатление от Парижа. Но символ все-таки. Посетить нужно. Галку поставили. Но часть пути на башню пришлось проделать пешком, устали как собаки. Зато после этого восхожде-

ния нам даже разрешили в какой-то жуткой кафешке посидеть, а заодно и съесть пиццу. Правда, одну на всех. Да и ладно, впереди еще «комплексный обед» на ужин. Ноги гудели, как хорошо, что сейчас напрямиком в номер, в наш гамак.

Господи, да что с моим мужем-то происходит?! Посерел прямо весь и вещи из своей сумки начал на скамейку вытряхивать.

— Лена, я, по-моему, кошелек потерял...

Тут уж и я начала сереть. Деньги у нас все хранились у Сережи. Причем совсем все. За гостиницу мы еще не платили, а после Парижа я собиралась ехать в Ганновер на медицинскую выставку, и на эту поездку деньги в том же кошельке. Действительно, увидеть Париж и умереть... теперь уже от голода.

Тут уже и немцы поняли, что у нас что-то стряслось.

— Сережа потерял кошелек.

— Какая неприятность. А денег много было?

— Много.

Ну как людям объяснить, что денег не просто много, а все? И больше нет вообще ничего. Заикаясь, начинаю рассказывать.

— Подождите, ну вы же в сейф что-то клали?

— Нет...

— У Елены, в ее кошельке?

— Все было у Сергея.

Чувствую, не понимают. Да мы и сами не понимаем, почему так произошло. Начинаем лихорадоч-

но соображать, что делать дальше, как выходить из этой ситуации. А ведь не зря наши спутники такие экономные и нас к этому приучали. Глядишь, и не умрем с голоду: что-то у них зайдем, на поездку в Ганновер денег попрошу у врача, с которым в Германии встречаюсь. Еще есть время ему позвонить.

— Подождите, давайте все-таки разберемся. Сергей, когда ты в последний раз видел этот кошелек? В кафе? Точно помнишь? Ну да, ты же расплачивался... А в метро как входил? Ай, ну да, в метро же я билеты покупал. — Густав пытается проанализировать ситуацию.

— Знаете, давайте-ка вернемся в кафе. А вдруг ты кошелек просто уронил, и он спокойно лежит под стулом и ждет нашего возвращения?

— С пятью тысячами-то? Вряд ли. Мы в фантастические истории не верим.

— Все, поехали. Нет, так нет. А вдруг!

Едем обратно, настроения никакого. Каждый в душе ищет виноватого. Немцы удивляются нашей халатности. Я — своему мужу. Он находится в прострации. Минут через сорок добираемся до места. Входим в кафе. За нашим столиком сидят уже совершенно другие люди и с очевидным удовольствием уминают пиццу. Сережа лезет под стол, безусловно, вызывая удивление у народа. Ничего! Как и предполагали!

— Все-таки надо на всякий случай спросить у бармена. А вдруг кто-нибудь нашел и отдал? — неуве-

ренно предполагает Рената. Святая простота! Нашел и отдал! Даже предположить такое и то умудриться надо, не то что вслух сказать. Тем не менее Сережа, как зомби, на негнущихся ногах идет к бармену. Мы издалека видим, что они о чем-то говорят. И вдруг! В руках бармена я вижу наш кошелек. Нет, этого не может быть! Наверное, он пустой. Сережа отходит в сторону и проверяет, все забрали из кошелька или нет. Деньги все на месте! До последнего пфеннига... Сережа тут же возвращается назад и, достав из кошелька какие-то деньги, отдает их в благодарность бармену.

Потом мы пытались выяснить, сколько отдал, — Сережа вспомнить уже не мог. Да это уже не важно. Нам вернули наши деньги. Почему это произошло, осталось загадкой. Французы очень честные люди? Это вряд ли. Мы им понравились или нас сочли настолько бедными, что пожалели? Или питают симпатию к русским? (Не к немцам — это точно, во Франции немцев, мягко говоря, недолюбливают.) Не знаю, не знаю... Мне все-таки кажется, что кошелек нашли в чьем-то присутствии и очень много людей это видели. Думаю, это самая вероятная причина, хотя версии высказываются и по сей день. Но главное — это результат. Мы с деньгами, мы в Париже, праздник продолжается!

Очумевшие от счастья, мы наконец-то доехали до нашей гостиницы и упали в наш гамак. Нам нужен

был отдых, чтобы осознать случившееся, и время, чтобы придумать, как правильно прятать деньги дальше.

Вечером мы уже идем не в дешевый ресторан, а в хороший. И первым делом заказываем шампанское! Сегодня не экономим, сегодня мы гуляем! Будет и фуа-гра, и ассорти французских сыров, и замковое вино.

Париж еще раз доказал нам свою непохожесть на все другие города. Доказал нам, что это город, где случаются чудеса — большие и маленькие. Нужно просто приехать сюда с близким по духу человеком, и Париж повернется навстречу, одарит теплыми воспоминаниями на всю жизнь. Уж мы-то с мужем эту поездку теперь никогда не забудем. На это есть еще одна причина...

Сергея открывает шампанское, пробка с силой вылетает из бутылки и падает прямоком в бокал.

— Так, чей бокал? Рената, твой?

— Нет, это Сергея.

— Уверена? А ты знаешь, есть такая примета, если пробка попадает в бокал, это к прибыли. А уж если пробка от шампанского, то это прибавление — к ребенку!

— Сергей, значит, у тебя будет ребенок. Бокал не мой, это точно твой!

— Интересно, кто это родит моему мужу ребенка? Уж точно не я!

Мы все веселимся, у нас прекрасное настроение, и даже эта большая тема для обеих пар не заставляет нас грустить. У Бахеров детей совсем нет, а у нас с Сергеем нет общих. И, несмотря на все усилия, пока и не предвидится. Но сегодня не о том. Мы пьем вино, вкусно едим, потом полночи гуляем по Монмартру. Уже под утро с Ренатой у какой-то африканки заплетаем себе по косичке. Мы счастливы. И ведь очень редко бывает, когда счастье ощущаешь прямо в этот самый момент. Обычно оно приходит с воспоминанием о чем-то. А мы счастливы прямо сейчас.

Навстречу нам идет большая компания. Вдруг один парень, наш ровесник, останавливается, подходит к Ренате, берет ее за руки и начинает что-то быстро говорить по-французски. Потом обнимает, целует в губы, и компания уходит. Мы остаемся стоять с раскрытыми ртами. Что он ей говорил, почему поцеловал? Почему ее, а не, допустим, меня? Опять загадка, опять маленькое чудо, от которого Рената потом долго не могла отойти, все ходила и глупо улыбалась.

А для меня в этом городе произошло самое невероятное, самое долгожданное чудо в моей жизни. Почему для меня? Для нас! Для нашей семьи! Мы привезли из Парижа нашего долгожданного Павлика. Действительно, тот бокал оказался Сережиным, и мы еще раз убедились, что в Париже сбываются все мечты, все надежды. Но обязательно нужно туда ехать с человеком, которого по-настоящему любишь, с ко-

торым ты — единое целое. А если уверенности нет, то этот город поможет разобраться и в себе, и в партнере, и в ваших отношениях. Я видела людей в самолете, летящих из Парижа, которым нечего было сказать друг другу, которые, кроме раздражения, не вызывали друг у друга никаких чувств. Нас же Париж соединил навеки, еще раз доказав, что, может, мы и разные, но нам хорошо вместе. В музее Д'Орсе мы восхищались одними картинами, восторг вызывали одни и те же улицы и бульвары этого дивного города.

Увидеть Париж и умереть! Да! Но только от счастья!

По ленинским местам, или Неделя имени меня

Сверху это очень напоминает бархатную бумагу. Как будто кто-то взял ее и измял. Она лежит в причудливых изгибах и изломах, с выпуклостями и вмятинами. И цвет, главное — цвет! Он такой глубокий маляхитовый и очень насыщенный. Никогда такого не видела. Но вот уже вдали показалось Женевское озеро, и я понимаю, что никакая это не бархатная бумага, это Швейцарские Альпы, а я лечу в самолете, смотрю в окно и через двадцать минут буду в Женеве. Поверить в это пока не могу, поэтому все-таки горы остаются для меня очень красиво и эстетично ском-

канной бархатной бумагой, а Женевское озеро — маленькой лужей. Неужели это все-таки я, и я опять в самолете и лечу за границу?

Да, нельзя детей рожать в преклонном возрасте. Все-таки это выбивает. Шутка ли, родить почти в тридцать шесть лет! Да еще через четырнадцать лет после первого ребенка! А ведь казалось, ну что тут такого?! Тридцать шесть — не возраст, дети — это счастье, двое детей — тот минимум, который должен быть у любой женщины. И я наконец могу подарить ребенка своему мужу! Да еще мальчика, продолжателя фамилии.

О том, что это тяжело, я забыла, о том, что мне не двадцать, я не задумывалась, того, что не все дети идеальные, как мой старший сын, я не понимала. Единственное, о чем я размышляла во время беременности, — это какая у моего малыша будет коляска. Требование к коляске определилось одно: она должна быть легкой и просто складываться (главное предназначение коляски — входить в самолет). И еще, конечно, необходим рюкзачок, там будет сидеть мой ребенок. Я считала себя такой прогрессивной бизнес-леди, что дома задерживаться не собиралась: родится ребенок, посажу его в рюкзачок — и сразу в самолет. Ребенок помешать не может! Он меня только украсит! Такая молодая многодетная мама, все успевает: и детей рожать, и бизнесом заниматься, и дети все время с ней. Ну просто идеальная картинка.